

Д. П. ИВИНСКИЙ
Ломоносов в русской культуре

Дмитрий Ивинский
Ломоносов в русской культуре

«Издательские решения»

2015

Ивинский Д. П.

Ломоносов в русской культуре / Д. П. Ивинский —
«Издательские решения», 2015

Книга посвящена описанию тех аспектов образа М. В. Ломоносова, которые на протяжении длительного времени сохраняли устойчивость на разных уровнях русской культуры, способствуя сохранению ее единства.

Содержание

Предисловие	6
Петр, Елизавета, империя	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ломоносов в русской культуре

Д. П. Ивинский

К 300-летию со дня рождения

и 250-летию со дня смерти

М. В. Ломоносова

© Д. П. Ивинский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Парадокс русского имперского проекта, очевидным образом ассоциирующегося с именем Петра I, заключался в двусмысленности русского «европеизма»: условием самостоятельности оказались подражание, заимствование, соревнование. Подражая и заимствуя, мы стремились к равноправию, а оно требовало обоснования, причем именно на материале собственной культурной истории. Одной из форм выражения национального содержания петербургской империи стал культурный образ Ломоносова, описанию которого посвящена настоящая работа.

Образ поэта или ученого, остающийся актуальным на протяжении длительного времени, обычно выполняет несколько функций.

Во-первых, он свидетельствует о некоторых подлинных фактах, обстоятельствах, идеях, людях, обществах, связанных с этим поэтом прямо или косвенно, но свидетельствует, пропуская информацию через «фильтры», устанавливающие границы *нужного – ненужного, актуального – неактуального, главного – второстепенного* и т. д. Границы эти, как и кем бы они ни устанавливались, постоянно уточняются, и общая картина все время меняется за счет открытия неучтенных ранее старых свидетельств, за счет утраты, забывания или дискредитации свидетельств учтенных и за счет появления новых; все эти процессы в той или иной мере влияют на восприятие образа исторической личности, обеспечивая, вместе с тем, само его существование. Но такого рода динамика сочетается с устойчивостью, с регулярным воспроизведением легко узнаваемых смыслов, эмоций, композиций, тропов: текучесть, подвижность, иногда противоречивость периферии компенсируется жесткой организацией центра. Во-вторых, культурный образ поэта содержит данные о восприятии его личности и литературного наследия в разные исторические эпохи, на разных этапах литературного развития, в различных литературных и иных кругах, воплотившемся в разных формах (монография, учебник, дневник, мемуары, письма и стихотворные послания, исторические романы, публицистические статьи, рецензии и памфлеты и проч.). В-третьих, он сообщает нечто о самом себе, о механизмах своего функционирования в культуре, о тех ее особенностях, к которым он с большей или меньшей настойчивостью апеллирует, выходя в этих случаях за собственные пределы или, по крайней мере, расширяя свои смысловые возможности, обращаясь к идеологии и политике, истории и этике, религии и философии. В-четвертых, он вбирает в себе прямые или хотя бы косвенные указания на ту важнейшую сферу идеальных сверхсмыслов культурной эволюции, в которой он стремится обрести дополнительное, высшее, бытие и обоснование, связывающее конкретно-историческое и провиденциальное.

Но чтобы данная связь могла возникнуть, укрепиться, проясниться в видимой сфере исторического, необходима интуиция и сознательное усилие, необходим мистический, идеологический и этический, государственный и общественный проект, в ходе реализации которого культура обрела бы системное единство и *самостоятельность*, необходимое условие значительности и глубины. Самостоятельность должна быть явлена с возможно более очевидной наглядностью, необходимой для адаптации проекта к существующей реальности и для последующего его развертывания в пространстве большой истории. Исходная точка процесса приобретает ключевое значение: это начало новой исторической эпохи, новой культуры, новой литературы.

Существуют две различные формы описания подобных процессов – имперсональная, стремящаяся выявить основные тенденции развития, и персональная, имеющая дело с личностями культурных героев; в этой книге мы старались учитывать мнение, согласно которому оптимальный вариант их взаимодействия – взаимоограничение: «тенденциозная» модель не дает «личностной» ограничиться описанием частных случаев, «напоминая» об общем смысле проекта, а та, в свою очередь, предохраняет «тенденциозную» от чрезмерного абстрагирования

от реальности, «напоминая» о значении индивидуального опыта сочетания интуиции и знания. Но при этом мы придавали решающее значение конкретному материалу: отсюда «цитатная» форма изложения.

Основные принципы отбора текстов о Ломоносове, которым мы следовали, не пытаюсь исчерпать огромный материал, таковы. Во-первых, в качестве наиболее устойчивых элементов образа Ломоносова мы рассматривали те, которые бытовали в разных жанрах и на протяжении значительного времени, приобретая в культуре статус топосов. Во-вторых, мы не делали различий между текстами, создававшимися дилетантами и профессионалами, графоманами и подлинными поэтами, мыслителями, учеными: если некоторый образ претендует на универсальное значение в культуре, он должен обнаружить себя на всех ее уровнях¹. В-третьих, мы не придерживались хронологического порядка, т. к. не ставили перед собой задачу показать процесс исторического формирования и развертывания образа Ломоносова, ограничившись описанием базовых параметров его структуры и при этом стараясь охватить материал, относящийся ко всем эпохам его бытования: времени Ломоносова и его младших современников (1), его литературных потомков, вплоть до Пушкина и Гоголя (2); далее до конца империи (3) и советского периода (4); основное внимание мы старались уделить XIX веку, когда ломоносовская тема оформилась в полной мере.

Материалы данной работы использовались нами в курсах лекций, читающихся на филологическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, и в докладах на научных конференциях «М. В. Ломоносов: актуальные проблемы изучения жизни и творчества» (филологический факультет МГУ, 2010), «Ломоносовские чтения» (филологический факультет МГУ, 2011), «Ломоносов и русская культура» (филологический факультет МГУ, 2015) и др. Значительная часть текста книги напечатана ранее (Ивинский 2011; Ивинский 2014; Ивинский 2015, Ивинский 2015а).

При оформлении обложки книги использована фотография Заиконоспасского монастыря из альбома, составленного Н. А. Найденовым (Москва: Соборы, монастыри и церкви. [Вып.] 1. М., 1883. №14).

¹ Назовем здесь наиболее значимые опыты собирания материала по теме: Глаголева 1911; Берков 1936, 273—284; Модзалевский 2011, 158—165 и др.; Павлова 1962. См. также: Бабкин 1946; Ломоносов 1987. Из работ последнего времени: Usitalo 2002; Usitalo 2013; Мартынов 2011; Абрамзон 2011; Новик 2012.

Петр, Елизавета, империя

В основе ломоносовской темы – соотнесенность с петровской, елизаветинской, в меньшей степени екатерининской, иногда и со всей обозримой историей династии, напр.:

Под камнем сим лежит певец преславный Россов.
Гомеру, Пиндару подобный Ломоносов:
Эпическим стихом прехвально возгремел
Великого ПЕТРА число великих дел;
И к удивлению всего пространна света,
Воспета лирою его ЕЛИСАВЕТА:
Но, к сожаленью, смерть тогда его взяла,
Когда бы свидетелем он был гремящей славы
Премудрой Матери Российския державы
И воспевал Ея божественны дела

(Трутень: Еженедельное издание. 1769. С. 160; о рифме Россов – Ломоносов см.: Модзалевский 2011, 158—165).

Мотив Петра-камня здесь почти каламбурно связывается с темой могилы Ломоносова («под камнем сим»); в игру с семантикой имени первого императора может вовлекаться петербургская тема, напр.:

Он был положен в край высокой дамбы,
Туда, где приставали корабли,
Туда, где сжали каменные ямбы
Неровный край болотистой земли.

<...>

Суровый Ломоносов приходил
Сюда на берег. Каменные руки
Уперши в камень, он не находил

Ему потребной фразы. В тишине
Из-за высоких тростников вставала
Луна. Ночь бормотала в полусне,
И каменное сердце трепетало

(Андреев 1947, 33—36).

Каменный город, «каменные ямбы» Петра уже построены, явлены; каменный поэт не находит нужных слов и трепещет перед фантазмагорией ночи: взгляд со стороны уже завершённого, но все еще эмоционально не исчерпанного петербургского опыта русской истории. В пределах его слово было послушным разуму и вдохновению, и поэту иногда приписывались сверхвозможности: так, Ломоносов не только прославляет монархов, но и воплощает в своей деятельности их мечту и одухотворяет историю империи:

Наукой осиян и рвеньем
К величью родины горя,
Явился ты – осуществленьем

Мечты великого царя!
Твоею ревностью согретый,
Очнулся русский дух с тобой:
Ты лучших дел Елизаветы
Был животворною душой,
Ты дал певца Екатерине,
Всецело жил в Ея орлах,
И отблеск твой горит и ныне
На лучших русских именах!..

(Майков 1914, 2, 178; написано: 1865, 1882).

Ср. еще: «Как творец отечественной словесности и преобразователь отечественного языка Ломоносов <...> дал <...> образцы всех родов словесности, существовавших в других литературах, и ввел наш язык в колею образованных языков, указав, притом, коренное отношение к языку славянскому. И потому то, что *Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения*, – на преобразование, совершенное Ломоносовым в русской словесности и русском языке, довершенное же Карамзиным и Пушкиным, должно взирать точно так же как на преобразование России Петром I, довершенное Екатериною II, укрепленное Александром I и принесшего обильные плоды в царствование Императора Николая I» (Мизко 1849, 38—39).

Это «преобразование, совершенное Ломоносовым в русской словесности», осмыслялось как отраженное следствие становления и развития имперского проекта: «Перенесемся на минуту в XVIII столетие, к началу второй его половины. Там является перед нами дочь Петра с русским сердцем на троне, восстанавливающая дух народный после отупения и расслабления, наведенных на него <...> развратом Бироновщины. Там начинается царствование Екатерины, этой дивной государыни, которая, силою своего необычайного гения, умела в себе космополитическую душу пересоздать в душу русскую <...>. Ломоносов принадлежал одному из этих царствований и касался другого. <...> Пред взором, обозревавшем тогдашнее состояние вещей, являются три главные предмета <...>: живое <...> воспоминание о Петре, многозначачнее положение, которое Россия, как государство, спешит занять и укрепит за собою в Европе, и первые проблески национального самочувствования. Энергическая душа Ломоносова, никогда не разъединявшая в себе интересов науки от интересов жизни, и этих последних от судеб отечества, не могла не чувствовать глубоко того, что представляла ему окружающая его среда в своих господствовавших явлениях <...>. Там все было для него полно <...> торжественности и величия, склонявших к восторгам и парению гимна. И звучная лирика Ломоносова естественно настроилась на этот тон» (Никитенко 1865, 448—449).

На первом плане в самых разных текстах о Ломоносове оказывалась имп. Елизавета; как *ее* поэт он остается / оставляется в истории русской лирики; основные мотивы, фигурирующие в елизаветинском смысловом пространстве ломоносовского творчества – бессмертие, Бог, восхищение, музы, Россия. Ср., напр., в «Письме к Ломоносову» (1784) О. П. Козодавлева:

Бессмертным вечно ты останешься у нас —
Ты истинный пиит; божественный твой глас
Проникнув к нам в сердца, в нас души восхищает,
И что ты воспевал, то вечным сотворяет.
ЕЛИСАВЕТИНЫ душевны красоты
У Россов на всегда в сердцах оставил ты,
И покровитель твой любезен нам пребудет,
Доколь Россия Муз совсем не позабудет.

Божественным лучем ты свыше озарен,
И милосердием монаршим ободрен,
К Парнассу путь открыл нам творческой рукою,
И Росским Музам дал ты образец собою.
ЕЛИСАВЕТА лишь стихи твои прочла,
То слава всюду их с восторгом разнесла.
Придворные узнать лишь только то успели,
Читать стихи твои уж наизусть умели,
И всякой их таскал с собою во дворец,
Кто лишь писать умел, тот сделался творец
Иль песен, или од; и все к тому стремились,
Чем изумясь тогда вельможи веселились.
<...>
И не понятно мне, что в век ЕКАТЕРИНЫ
Тебя другова нет <...>

(РП, 4, 766).

Если Козодавлев включал тему Ломоносова – имп. Елизаветы в придворный контекст, то Н. П. Николев – в контекст истории европейской поэзии:

В священном храме; чистых М у з,
На высоте горы *Парнасса*,
Где разных мер стихов союз
Внушает в слух приятства гласа,
Где дух *Орфеев* силы брал,
Когда на лире он играл
И камни влек на диво свету;
Где *Пиндар* почерпал добро
И *Ломоносово* перо
Где славило *Елисавету*.
Отколе в древний век *Гомер*
Пиита и творец големый,
В неисчерпаемый пример
Сокровища извлек в *Поэмы*,
И в след кому, дары имев,
Виргилий быстро возлетев
Искусно создал *Энеиду*,
В которой дар сего Творца
Дидоной все пленил сердца
И *Тассу* начертал *Армиду*.
Или откуда лирный тон
В усладу разума и чувства
Со *Ариостом* взял *Мильтон*
Певцы единого искусства;
Красы трагедий *Еврипид*,
А *превращении* *Овид*,
Расин сердец людских познание,
Приятность, нежность, чистоту,
Корнелий духа высоту,

Волтер и вкус и чувствованье

(РП, 5, 796 [«Ее сиятельству княгине ЕКАТЕРИНЕ РОМАНОВНЕ ДАШКОВОЙ: Лиро-дидактическое послание», 1791]).

А. Ф. Мерзляков связывал тему с мотивом наук: «Ломоносов пред троном Елисаветы ходатайствует в пользу наук, в пользу просвещения, насажденного в драгоценном Отечестве!... Какое возвышенное, какое утешительное для патриотов зрелище!... Какая честь для Поэзии! – Вот когда она действительно в настоящем своем священном сане, посланница богов, орган веры и закона, учительница народов и Царей, спасительница семейств и обществ: – вот когда она совершенно достигла своего звания и цели!...» (Мерзляков 1817, 65).

Напомним о некоторых сопутствующих мотивах.

Рок:

Покинув кущи рыбарей,
Приют своих первоначальных дней,
С душою полной упования,
На голос тайного призванья,
Он в край незнаемый пошел.
Куда же рок его привел?
О сердца верные обеты!
О светлый на природу взор!
Сей юноша, пришлец их Холмогор,
Прославил век Елисаветы!

(Плетнев, 3, 248; впервые: 1820).

Любовь, уважение, слава, вновь бессмертие: «Для Петрарки идеалом высшей любви была Лаура; для Ломоносова идеалом высшего уважения был *Петр* и *Елисавета*. Один славил предмет чистой любви своей и ею обессмертил свою лиру; другой пел предметы высочайшего своего уважения, и песнями во славу их снискал бессмертную себе славу. Это еще не все: первый славу и, следовательно, пользу своего отечества предпочитал собственной славе и личной пользе; не то же ли делал и другой» (Раич 1827, 67—68).

Народ: «Россия ждала свою, родную царицу, дочь Петра Великого, и Елисавета Петровна одним народным именем умела в несколько часов приобрести державу, которую оспаривала у ней <...> своекорыстная <...> политика, умевшая постигнуть русский ум, но не понимавшая русского сердца. <...> Русский гений поэзии и красноречия, в лице холмогорского рыбака, приветствовал ее царствование первыми гармоническими, сладкозвучными стихами и первую благородною прозой. Но лучшею одою, лучшим панегириком Елисавете были благословения народные» (Лажечников, 8, 234—235).

Династия («петрово племя»): «Историческое значение похвальных од <...> состоит в их отношении к современной эпохе. Оно дало Ломоносову имя „певца Елисаветы“. <...> Если разобрать состав его похвальных од, то содержание каждой из них сведется к такому ряду мыслей: стесненное положение Елисаветы и печальное состояние России по смерти Петра и Екатерины, желание видеть на престоле петрово племя, сетование о том, что желание долго не исполнялось, радость при желании исполненном» (Галахов, 1, 344, 348)².

² Одним из первых и немногих, кто слегка проблематизировал адекватность формулы «певец Елисаветы», был А. П. Милюков: «Ломоносова называют певцом Елисаветы, и это не совсем несправедливо: в одах его видно глубокое благоговение к императрице, которую он воспевает, как богиню, покровительницу наук, как существо неземное, источник всего счастья и славы отечества. С глубоким благоговением обращается он к государыне <...>. / И, проникнутый чувством верноподданнического почтения к боготворимой монархине, он курит ей фимиам глубоко-преданного сердца» (Милюков 1858, 73—74).

Конечно, ломоносовская тема связана с елизаветинской (тем более екатерининской) постольку, поскольку она связана с петровской; неслучайно время от времени биографы Ломоносова указывали, что расположение имп. Елизаветы к Ломоносову было обусловлено его умением понять и выразить значение петровской темы, ср., напр.: «Похвальное слово Петру Великому, читанное Ломоносовым в Академическом собрании в 1749 году <...>, восхитило красноречием венценосную Дочь бессмертного Отца. Императрица свидетельствовала особенное благоволение к Ломоносову. Счастье его было упрочено; он торжествовал над своими завистниками» (Федоров 1841, 69); ср.: «Два похвальных слова Ломоносова Елисавете и Петру великому <так!> остаются доселе образцовыми. Первое, читанное им в Академическом собрании 1749 года, приобрело Ломоносову особенное благоволение Императрицы, которая подарила ему дачу Коровалдай, на Финском заливе» (Бантыш-Каменский, 3, 193).

Осознание глубины и неслучайности этой связи – источник вдохновения: «<...> тот, в чью память мы собрались теперь, постоянно вдохновлялся воспоминанием о другом близком к нему великом человеке, вследствие чего воспоминание о Ломоносове неразрывно для нас с воспоминанием о Петре. Великие люди держатся друг за друга и этим держат родную землю и крепкое державство!» (Празднование 1865 а, 17). Именно Ломоносову было дано полное, высшее понимание Петра: «Никто лучше Ломоносова не постигал Петра, никто не умел до сих пор говорить об нем так красноречиво, то есть так истинно, как Ломоносов. И как крепко и дружески обнял бы его Петр, если бы Ломоносов явился при нем! Не дал им Бог знать друг друга» (Полевой 1839, 1, 237). Петр – воплотившийся образ идеального монарха: «Петр для Ломоносова стал идеалом человека и правителя, а россиянам – современникам и грядущим поколениям – он рассказал о Петре Великом в назидание» (Свердлов 2011а, 8); идеальное в Петре – отражение его высшего призвания, понятого Ломоносовым, ср.: «Петра Великого Ломоносов открыто сравнивал с богом» (Брюсов, 7, 34). Петр благословляет Ломоносова: «Он был проникнут духом великого преобразователя России; на нем покоилось благословение Петра» (Губер, 3, 167). Сознательное следование Петру – основа жизненной стратегии Ломоносова: «Одна мысль, одно желание преобладали в душе Ломоносова – мысль о продолжении дела Петра <...>» (Феоктистов 1858, 231). Сама жизнь Ломоносова может восприниматься как вариация жизни Петра: «Сравнение Ломоносова с Петром Великим сделалось избитой фразой; но <...> в характере их деятельности много аналогического <...>; у Ломоносова, подобно Петру, был свой Воронеж, свой Сардам, свои Нарва и Полтава. Его Воронеж – это Московская Заиконоспасская академия, его Сардам – это Марбургский университет, его Нарва и Пол-

Мотив *сердечности* мог сочетаться с мотивом *любви*, понимаемой и как высшая форма *благоговения* и *верноподданнического почтения*, и вместе с тем как *сердечная чувствительность*, сочетающаяся с *блаженством*: «Можно бы и еще привести различные места <из произведений Ломоносова>, ознаменованные *сердечною чувствительностию*; но она так часто показывается в творениях Ломоносова от того, что он блаженствовал, воспевая ту, которой *душа* была *тише зефира*; которая *мертвым*, то есть осужденным на смертную казнь, отдавала новое бытие; он блаженствовал, воспевая ту Царицу, при которой цвели постоянно и обширные поля России и сердца народов, покоившихся под сению благотворной ея державы» (Глинка, 9, 29). Наиболее оригинальная, но и весьма специфическая, обретающая смысл лишь в контексте розенкрейцерской «софиологии», трактовка отношений Ломоносова к имп. Елизавете принадлежит Б. М. Зубакину, который интерпретировал их через посредство «Стихов о Прекрасной Даме»: «И так ли воспевают свою „мощную Монархиню“, у которой „состоят на службе“, говоря о той: „кроткое лицо коей, как дыханьем зефирным вливает благостность...“ <...>? И о такой ли говорят: „дух ее зефира тише“?! / И об этом-то поэте осмеливались иногда утверждать, что он не знает сердечной нежности? / Или вот пафос влюбленного чувства, которым поэт оделяет и всё вокруг; вот каким видением Любви и Прелести предстает „Она“ ему на охоте <...>: / „Коню бежать не воспрещают / Ни рвы, ни частых ветвей связь: / Крутит главой, звучит браздами / И топчет бурными ногами, / Прекрасной всадницей гордись...“ / Этою полною и по сейчас не увядающей прелестью и живостью картиной закончим мы наши выписки стихов, от которых отрывается, как от страниц промелькнувшей, захватывающей любовной повести. Кто, <...> перечитав их, посмеет <...> утверждать, что Ломоносов, де, льстил Царице, как „царедворец“ <...> и „воспевал императрицу Елизавету“?! Женщину, которою он до безумия восхищался, он воспел действительно огненно и незабываемо. И сама поэт, она (в 1754 году) отзывается на стихи, уже 43-летнего поэта-любимца словами: „Господина Ломоносова вирши очень хороши“. / <...> Пусть в оды его к Елизавете входят и другие темы и идеи, в основном они остаются влюбленным гимном женщине, а не царедворничеству» (Зубакин 2011, 71). О некоторых «ломоносовских» смыслах оккультной эсхатологии «серебряного века» см. в письмах Андрея Белого по поводу посвящения романа «Москва» (Белый 1998, 335, 336, 426).

тава – С.-Петербургская Академия Наук» (Столетнее празднество в Воронеже 1865, 8). Духовная связь Ломоносова с Петром возникает в ранней юности и ассоциируется с учащенным сердцебиением, восторгом, мечтами, самоотжествлением: «И чем больше слышал он рассказов о петровских деяниях, тем ярче и неотразимее вставал перед ним могучий образ Петра и сердце юноши билось сильнее от восторга. И часто, сидя на палубе карбаса, он вспоминал образ великана, оставившего Москву и трон для того, чтобы учиться у саардамского корабельщика, взявшего топор, чтобы рубить бревна, как это Петр делал в Архангельске. И Михаилу Васильевичу казалось, что если бы он был царем Петром, он бы проделал все то, что делал Петр: поехал бы прежде всего в заморские края учиться и вернулся бы оттуда совсем другим» (Носков 1912, 12)³. Еще более важным признается уникальность этого духовного единства, в полной мере не раскрывшаяся в пространстве русской культурной истории, которая приняла направление, все более уводившее ее от Петра, ср.: «Ломоносов – главное, лучшее дитя Петра Великого за весь XVIII век, может быть – даже за два века, и он весь уродился и сформировался в исторического своего „батьшку“. Ни в ком еще не кипел такой горячий ключ <...> новых мыслей, <...> планов и надежд, любви к своей земле, веры в победу лучшего и правого; и еще ни в ком так, как в великом Петре и в детище его Ломоносове, около этих горячих вод не лежало в соседстве холодного снега трезвого рассуждения, практической сметки, отсутствия всяких излишеств фантазии, воображения и сердечности. Вот уж сыны Севера, и Петр и Ломоносов... И два эти человека, один делами и другой сочинениями, на весь XVIII век пустили морозца, отстранив туманы осенние, ручейки вешние, жару летнюю, – все то, что пришло позднее, <...> уже вне замыслов и предвидений Петра, с Карамзиным и Жуковским, было отступлением от чисто великорусской складки Ломоносова, от величавых и твердых замыслов Петра... И Карамзин, и Жуковский, а особенно позднее – Гоголь и Лермонтов, и наконец последние – Толстой, Достоевский, Тургенев, Гончаров – повели линию душевного и умственного развития России совершенно вне путей великого преобразователя Руси и его как бы оруженосца и духовного сына, Ломоносова. Русь двинулась по тропинкам неведомым, загадочным, к задачам смутным и бесконечным...» (Розанов 1915).

Тема Петра для Ломоносова теснейшим образом (и в большей мере, чем елизаветинская) связана с проблемой народа: «Петр неотразимо властвовал над душой Ломоносова. Он слился для него в одно с народом и везде он видел царя» (Булич 1865, 12). Приверженность Ломоносова Петру и его делу рассматривается как доказательство их народности: «Ломоносов вполне сочувствовал Великому преобразователю России и, как человек в полном смысле народный, не находил в его преобразованиях ничего противоречащего своим понятиям и чувствам. Это великое доказательство народности самого Петра I. – И вредные плоды от перенесенных с Запада успехов образованности должно искать не в *насаждении* Петра, но в ложном их направлении, в неправильном, чуждом народности, возделывании этого рассадника: иначе мог ли бы Архангельский крестьянин, и потом образованный и глубоко ученый человек, страдавший и падший в борьбе за *народность* – *сочувствовать* Великому преобразователю <...>» (Пассек 1842, 3). В *народной* теме прямо или косвенно определялся мотив труда, тяжелого, упорного, самоотверженного. Трудолюбие Ломоносова изоморфно неутомимости «вечного работника»: «К Ломоносову вполне можно приложить, несколько изменив, его же слова, в которых он излил свое благоговейное уважение перед памятью Петра Великого: «Везде видим его в поте, в пыли, и не можем сами себя уверить, что бы один везде он, но многие,

³ В принципе, наряду с сопоставлением и сближением Ломоносова с Петром оказывалось возможным и их противопоставление. Но, во-первых, происходило это сравнительно нечасто, а во-вторых, преимущественно в советскую эпоху; см. напр.: «Значение деятельности Ломоносова не ограничивалось нивой просвещения. Идеализируя Петра I как образец „просвещенного монарха“, Ломоносов считал своим долгом продолжение его дела. Однако Петр I, заботясь о величии Державы, мало думал о нуждах ее народа. Ломоносов же все свои помыслы обращал к пользе народа. Все его труды, направленные к благу России, ближайшей целью имели счастье народа» (Куликовский 1986, 7).

и не краткая жизнь, но десятки лет»⁴. И действительно, сам Ломоносов трудился за десятерых. Он был и математиком, и химиком, и физиком, и поэтом, и историком, и художником, занимаясь мозаикой» (Русские самородки 1910, 70). Ср.: «Русский народ любят упрекать в лености, в неумении работать, в неуважении к труду. Не решаюсь судить окончательно, справедливо ли это <...>. Однако даже если все-таки это так, то у нас нет оснований думать, что выразители национального гения непременно должны быть и выразителями национальных недостатков. И в самом деле – приверженностью к труду отмечены жизни Петра Великого, Ломоносова, Пушкина <...>» (Ходасевич, 2, 286—287). Ср. другой, пореволюционный, контекст бытования этих трех имен: « – Нехорошо говорите, – сказал человек, – нужно бодрость вносить в новую жизнь, а вы вон что: старое воскрешаете, старое надо вон. / – А Пушкин? – раздался неведомый голос. / Странник нового на мгновенье смутился, но скоро оправился: / – Пушкин – единичное явление, Пушкин мог тогда предвидеть наше время и тогда стоял за него. Он единственный. / – А Ломоносов? / – Тоже единственный. / – Нет, уже два, а вот Петра Первого тоже нельзя забывать, – три» (Пришвин 2010, 6)⁵.

Патриотизм Ломоносова – проекция патриотизма Петра: «Он был националистом, но в стиле Петра Великого. Он старался, по его словам, „защитить труд Петра Великого, чтобы научились Россияне, чтобы показали свое достоинство“. Россия пока учится у Европы и должна учиться, но учиться для того, чтобы затем зажечь самостоятельной культурной жизнью» (Празднование 1912, 149—150). Разумеется, этот патриотизм не чужд своего рода избирательности: «Ломоносов, как и Петр Великий, был в тесной связи с тою частию русского общества, которая, сдвинувшись с места, напрягала все свои силы, чтобы скорее догнать Европу» (Миллер 1866, 382). Ср.: «И так, отстав от Европы, мы осуждены всему учиться; от того общество, созданное Петром, было подражательное; а посему и Ломоносов дал ему подобную литературу» (Плаксин 1833, 179).

Научные занятия Ломоносова – способ укрепления петровского государственного проекта: «Подобно Петру Великому, Ломоносов был убежден, что только одно знание может возвысить его родину. Оттого с таким горячим убеждением воспевал он „науку“ в своих поэтических гимнах» (Сиповский 1911, 1). Ломоносов устанавливает правила для русского языка, как Петр для российского государства, консолидируя систему управления: «В русской литературе первого сорокалетия XVIII века господствовали всевозможные варваризмы, „дикие нелепости слова“, по выражению Ломоносова: он дал нашей литературе ту централизацию, которую государство получило от Петра Великого» (Празднование 1865 а, 77).

Ломоносов-историк заимствует исследовательский метод у Петра: «Вслед за Петром Великим М. В. Ломоносов стремился к точному изложению исторических фактов. Поэтому практикой своих исследований он предотвратил продолжение литературного домысливания как формы изложения исторического прошлого, что имело место в „Истории Российской“ В. Н. Татищева» (Свердлов 2011, 831).

Ломоносов-поэт вдохновляется военными победами Петра: «Торжественные оды были плодами <...> воинственного вдохновения. Лира Ломоносова была отголоском полтавских пушек. Напряжение лирического восторга сделалось после него, и без сомнения от него, общим характером нашей поэзии» (Вяземский, 5, 5)⁶. Тема Полтавы естественным образом включа-

⁴ В оригинале читается: «Везде Петра Великого вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени – и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, но многие и не краткая жизнь, но лет тысяча» (Ломоносов, 8, 610).

⁵ Ср. сопоставления Ломоносова и Петра как личностей уникальных и лишь друг с другом сопоставимых, напр.: «Если, взяв во внимание многостороннюю ученость Ломоносова, сочувствие благу отечества, твердость характера, разнообразную, полезную деятельность, мы захотим во всем XVIII стол. искать человека, подобного ему, мы найдем только Петра Великого. Только в Петре Великом мы видим такие напряженные заботы о благе России, такую уверенность в силе русского духа и в естественном богатстве страны, такое твердое сознание важности просвещения <...>» (Петров 1871, 74).

⁶ В скобках заметим, что отношение Вяземского к Ломоносову, в частности к его поэзии, было сложным; см. об этом: Вятженс 1966, 335; Коровин 1993.

ется в контекст обсуждения отношений России и Запада, тема восхищения Петром – с мотивами искренности и силы, тема поэзии – с темой науки: «Восторг Ломоносова был восторг неопределенный, но искренний; это было отражение радости Петра после полтавской битвы, чувство своей силы и твердая надежда на блестящую будущность. Петр был любимым героем Ломоносова, как вообще он был путеводною звездой, краеугольным камнем, на котором опиралась сила петербургской империи. Ломоносов поминает Петра в каждой своей оде, и точно так же он поминает науки: то уверяет, что для них настало счастливое время, то указывает на широкое поприще для них в России, то предается надеждам:

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

И почему ему было не надеяться? Он сам сознавал в себе полную силу, сам стоял наряду с величайшими учеными того времени, с Вольфами и Эйлерами; он чувствовал себя столь большим, что считал себя выше целой академии немецких ученых, учрежденной в Петербурге <...>. / Счастливые времена! Не было и мысли о каком-нибудь разладе, не было и тени сомнения в том, что мы уже навсегда слились с Европою, что скоро во всем совершится предсказание, данное полтавскою битвою, то есть, что *ученики победят учителей*» (Страхов 1868, 33—34).

Будучи близко соотнесены, Петр – создатель новой России и Ломоносов – создатель нового русского языка и новой литературы могли осмыслять в единстве вплоть до условного отождествления; см., напр., у К. Н. Батюшкова в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816): «Он то же учинил на трудном поприще словесности, что Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу. Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам» (Батюшков, 2, 238)⁷. Ср. в «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинского (1834): «С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим» (Белинский, 1, 42)⁸; ср. еще; «В XVII

⁷ Ср.: «Еще Батюшков глубокомысленно заметил, что Ломоносов был то же в литературе нашей, что Петр Великий в жизни государственной. В самом деле, подражая Венценосному плотнику и зодчему, матросу и адмиралу, солдату и полководцу, первому работнику своего царства и первому администратору, Ломоносов был у нас в одно и то же время Грамматиком, Поэтом во всех родах, Ритором, Оратором, Историком, Естествоиспытателем, Филологом и создателем нового Русского языка в литературе. На нем лежало: и дать во всем первые образцы в Словесности, и сообщить публике то литературное образование, без которого Автор не имел бы читателей» (Шевырев 1842, VII).

⁸ Ср.: «Между Ломоносовым и Петром большое сходство: тот и другой положили начало великому делу, которое потом пошло другим путем, другим образом, но которое не пошло бы без них» (Белинский, 2, 186). Тот же автор: «Влияние Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, как влияние Петра Великого на Россию вообще: долго литература шла по указанному им ей пути, но, наконец, совершенно освободилась от его влияния, пошла по дороге, которой сам Ломоносов не мог ни предвидеть, ни предчувствовать. Он дал ей направление книжное, подражательное, и оттого, повидимому, бесплодное и безжизненное, следовательно, вредное и губительное. Это совершенная правда, которая, однако ж, нисколько не умаляет великой заслуги Ломоносова, нисколько не отнимает у него права на имя отца русской литературы. Не то же ли самое говорят о Петре Великом наши литературные старообрядцы? И надо сказать, что их ошибка состоит не в том, что они говорят о Петре Великом и созданной им России, а в том, какое они выводят из этого следствие. По их мнению, реформа Петра убила в России народность, а следовательно, и всякий дух жизни, так что России для своего спасения не остается ничего другого, как снова обратиться к благодатным полупатриархальным нравам эпохи Котошихина. Повторяем: ошибаясь в выводе, они правы в положении, и поддельный, искусственный европеизм России, созданный реформой Петра Великого, действительно может казаться не более, как внешнею формою без внутреннего содержания. Но разве нельзя того же самого сказать о всех поэтических и ораторских опытах Ломоносова? За что же, по какому же странному противоречию с собственным своим взглядом эти самые люди благоговейно перед именем Ломоносова и с странною раздражительностью принимают за преступление всякое свободное мнение об этом риторе и, в поэзии, и в красноречии? Не было ли бы с их стороны гораздо последовательнее и сообразнее с логикой и здравым смыслом и на Ломоносова смотреть так же точно, как смотрят они на Петра Великого?..» (Белинский, 10, 8—9). Эти суждения Белинского имел в виду А. Н. Пыпин, когда писал: «Если придавать преобразованиям Петра

веке Симеон Полоцкий писал не лучше Графа Тибальда, и, даже в начале XVIII, Кантемир не превосходил Ронсара: как Россия ждала Петра, так ея Поэзия и самый язык ждали Ломоносова» (Иванчин-Писарев 1837, 47—48). Суждения Ломоносова о Петре осмысляются как автохарактеристика: «То, что Ломоносов говорил о любимом герое своем, которого славил он и в одах, и в похвальных словах, можно сказать о нем самом: «не могу себя уверить, что один везде, но многие, и не краткая жизнь, но лет тысяча». В период времени с 1739 года по 1765 год гений науки проявил такую же всеобъемлющую многосторонность, какую сам он видел в гении —царе. Он на поприще науки, как и его идеал, был во всем велик <...>» (Давыдов 1855, LXIII). Следующий шаг в развитии темы: «Во главе «новой» русской литературы стоят Петр Великий и Ломоносов» (Архангельский, 1907, 3). Напомним и об особом мнении И. С. Тургенева, который также был склонен соотносить Ломоносова с Петром, но при этом полагал, что миссия первого поэта была сложнее миссии первого императора: «Une littérature est encore plus difficile et «plus lente à créer qu'un empire. Aussi le premier écrivain digne de ce nom qu'ait produit la Russie, Lomonosoff, n'apparut que dix années après la mort de Pierre le Grand» (Тургенев, 12, 501). Ср. еще замечание Ф. М. Достоевского (возможно, несколько двусмысленное), считавшего, что Ломоносов выступил своего рода посредником между Петром и Россией: «Кто же формулирует новые идеи в такую форму, чтоб народ их понял, — кто же, как не литература! Реформа Петра Великого не принялась бы так легко в народе, который и не понял бы, чего хотят от него. А каков был русский язык при Петре Великом? Наполовину русский, наполовину немецкий, потому что наполовину жизни немецкой, понятий немецких, нравов немецких привилось к жизни русской. Но русский народ не говорит по-немецки, и явление Ломоносова сейчас после Петра Великого было не случайное» (Достоевский, 18, 126). Но Ломоносов не только облек в доступную народу форму эти «новые идеи», но и создал канонический (по крайней мере для официальной культуры) образ их автора: «До сих пор нам обыкновенно рисовали Петра риторическими красками, заимствованными из похвального слова ему, сочиненного Ломоносовым. Петр представлялся нам в сверхъестественном, невозможном величии какого-

решающее значение в новом повороте нашей гражданской и умственной жизни, то Ломоносов впервые дал этим преобразованиям тот внутренний смысл, при котором оне могли стать действительно новым периодом в развитии русской мысли. <...> Нужно было, чтобы возбуждения реформы нашли опору в более прочном научном воспитании <...>; чтобы родился сильный ум, который был бы способен усвоить научную мысль во всей ее широте и внести ее <...> в умственную жизнь русского общества. Таким человеком явился Ломоносов» (Пыпин 1907, 3, 491—492). Ср. патетический вариант: «В то время, как неутомимо трудился Петр над народным образованием <...>, на далеком севере <...> родился человек, которому суждено было блистательным путем идти к той же цели, к которой неуклонно во всю свою жизнь стремился Петр Великий. Человек этот был Ломоносов» (Васильев 1865, 5). Ср.: «Мы едва ли ошибемся, сказав, что появление и вся деятельность Ломоносова была прямым и естественным следствием эпохи Преобразований: без Петра не могло быть и не было бы и Ломоносова. Но зато <...> и Ломоносов представляется нам воплощением того идеала, который мог Петр носить в душе своей, мечтая о будущем развитии в России наук, литературы и просвещения... И Ломоносов, в свою очередь, явился в нашей литературе и науке, и истории нашего просвещения таким же всеобъемлющим гением, каким Петр является в истории нашей государственной и народной жизни. Многосторонний, наблюдательный, одинаково восприимчивый и к явлениям природы, и к призывам жизни, неутомимо деятельный и страстный в своем трудолюбии, неистощимый в энергии и в изыскании средств для ее применения, — Ломоносов, на своем ограниченном поприще деятельности, многими сторонами своего нравственного типа напоминает нам величавую личность Великого Преобразователя» (Полевой 1903, 1, 499—500). Ср. еще: «Он был в области умственной жизни как раз тем, чем Петр Великий был в области практической жизни: та же самая способность воплощения, отличавшая государя, отличает и ум этого ученого, который в одном себе сосредотачивает научную деятельность целой эпохи, наполняет собой лаборатории, фабрики, мастерские, издает этнографические и географические изыскания, отчеты о состоянии западной науки, исторические и филологические исследования, составляет правила ретирики и литературных форм, сочиняет оды, трагедии и т. д.» (Волконский 1896, 159—160). Откровенно ритуально-графоманский вариант: «Титаническая работа Петра вызвала к жизни из огромного и до того времени недвижимого тела России новые силы. Она пробудила волю к творчеству, и молодое поколение ответило на обращенный к нему призыв появлением замечательного русского ученого — Ломоносова. Первый свет русского просвещения родился на Кольском полуострове, на русском поморье...» (Некрасов 1945, 94). Ср. попытку обновить штамп: «Если делать какое-то обобщение то надо сказать что Ломоносов был Петром Великим русской литературы. Он был петровским человеком <...>. При Петре Россия совершила гигантский скачок <...>. И Ломоносов в этом смысле созвучен Петру Преобразователю. Вы посмотрите: Петра привлекает море <...>, и Ломоносов весь в морской стихии, он человек моря в полном смысле этого слова» (Либан 2014, 224).

то полубога, а не великого человека, и мы привыкли соединять возвышенные идеи, мировые замыслы со всеми самыми простыми и случайными его поступками» (Добролюбов, 3, 79)⁹.

Не только Петр прославлен Ломоносовым, но, одновременно, и тот, кто покровительствовал поэту, ср. в оде Г. Р. Державина к И. И. Шувалову:

О ты, кто наполнял пиитов дух пареньем
И был их Аполлон и стал бессмертен сим,
Что песнь Петровых дел под именем твоим
Чрез Ломоносова в концы гремяща мира
Тобой ободрена, – хвала тебе та лира!

(*Державин, 1, 51*).

В отдельных случаях имена Петра и Ломоносова используются как знаки той историко-психологической реальности, которая образовала «новую Россию», и при этом как указания на своеобразие личности третьего лица, напр.: «В Дашковой чувствуется та самая сила, не совсем устроенная, которая рвалась к просторной жизни из-под плесни московского застоя, что-то сильное, многостороннее, деятельное петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью» (Герцен, 12, 362).

Ломоносовский энциклопедизм – свидетельство его верности историческому призванию, ответ на замысел Петра и ожидания России: «История возложила на Ломоносова двойную миссию. С одной стороны, нужно было оправдать притязания, предъявленные Петром Великим к европейской культуре от имени русского народа, – и Ломоносов блестяще выполнил эту миссию. С другой стороны, надлежало науку сделать творческой силой, зиждущей материальное и духовное благосостояние страны. <...> От часослова чрез схоластику славяно-греко-латинской академии Ломоносов поднялся на вершины тогдашней европейской науки. И оттуда взглянул на свою родину. Перед ним раскинулась неоглядная, но невозделанная равнина, страна, бедная материально и нищая духовно. Правда, она уже сознала потребность новой жизни; Петр Великий пробовал организовать и усилить начинавшееся брожение. Но все находилось еще в хаотическом состоянии; нужды страны были неисчислимы; права науки оставались неукрепленными в общественном сознании. Глубоко чувствуя свою кровную связь с народом, Ломоносов сквозь толстые стены академии улавливал тревожные голоса жизни и, верный своему историческому призванию, с лихорадочной поспешностью устремлялся туда, откуда раздавались более настойчивые требования. Судьба роковым образом обрекла Ломоносова на разносторонних *энциклопедизм*» (Празднование 1912, 144–145). Так историческая миссия Петра, европейская научная традиция и не оформленное до конца общественное сознание оказались основными контекстами деятельности Ломоносова, а ее разносторонность была признана свидетельством его высшего призвания.

⁹ Другое дело, что созданный Ломоносовым образ Петра мог восприниматься как незавершенный; см., напр., в речи Никола-Габриэля Леклерка, произнесенной им при избрании в почетные члены Академии наук (1765): «Сколько сожаления, милостивые государи, для Академии, и какая утрата для государства, что труды Ломоносова не увенчались прекраснейшим, благороднейшим, величайшим и в то же время наиболее достойным из всех успехов этого знаменитого поэта! Ему было предназначено придать „Петриаде“ ей принадлежащий отпечаток бессмертия. Ему предлежало оживотворить героя, который был предметом ея, начертать нам великие замыслы, великие побуждения, его волновавшие, и изобразить их величественно. Кто в состоянии продолжать и увековечить это сочинение, так достойно начатое? По какому року, милостивые государи, творец этой империи, питомец Марса, отец Муз, ваш августейший основатель избегнул мужественной кисти, ярких красок этого Апеллеса? Он был создан для Александра.» (Пекарский 1867, 179).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.